

ВОЛЬНОНАЕМНЫЕ РАБОТНИКИ ДАЛЬСТРОЯ: КОЛЫМСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ 1930–1950-х гг.

Статья посвящена анализу формирования вольнонаемного состава работников Дальстроя и условий их жизни на Колыме в 1930–1950-х гг. Это помогает конкретизировать понимание проблем складывания оседлых трудовых ресурсов на Северо-Востоке России в XX в. и их влияние на современную демографическую ситуацию в регионе.

Ключевые слова: Дальстрой; вольнонаемные работники; льготы; кадровое обеспечение.

Современное состояние Северо-Востока России, как и всего дальневосточного региона, характеризуется резкой диспропорцией между его потенциальными экономическими возможностями и их обеспеченностью постоянными трудовыми ресурсами. Это делает важным анализ исторических особенностей формирования здесь трудоспособного населения в советское время, когда эта прежде пустынная российская окраина подверглась интенсивной колонизации. Ее проводником стал Дальстрой – государственный трест, в 1938 г. реорганизованный в Главное управление строительства Дальнего Севера (ГУСДС) НКВД (позже МВД) СССР. Особенностью деятельности Дальстроя было широко-масштабное использование труда заключенных Северо-Восточного ИТЛ в промышленном и гражданском строительстве в 1930–1950-х гг., что нашло свое отражение в научной литературе. Однако положение вольнонаемного населения Колымы и Чукотки этого времени во многом остается пока слабо исследованным, что и определило тематику настоящей работы.

Формирование вольнонаемного состава работников Дальстроя происходило тремя основными способами. Первый заключался в направлении сюда военнотрудовых для дальнейшего прохождения службы. Так, приказом НКВД СССР № 376 от 2 марта 1939 г. ряд офицеров (политработников Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения НКВД) был направлен для прохождения службы в Политуправление Дальстроя. Среди них были инструктор Политотдела ОМСДОН Е.Н. Драбкин, старший инструктор Политотдела ОМСДОН И.Д. Паркман, начальник библиотеки 1-го мотострелкового полка ОМСДОН Н.И. Выборнов и др. В апреле 1939 г. военный комиссар 152-го полка войск НКВД Ленинградского округа А.Л. Новиков был назначен начальником Политотдела Юго-Западного горнопромышленного управления Дальстроя [1]. Второй – вербовка специалистов на 2–3 года работы на Колыме с заключением соответствующего договора, чему предшествовала проверка кандидата. В апреле 1940 г. заместитель наркома внутренних дел комдив Чернышов определил порядок выдачи пропусков на территорию Дальстроя выразившим желание работать на Колыме. Лица, предъявившие в органы милиции извещение Дальстроя и приеме их на работу, должны были подать заявление на получение пропуска. При отсутствии на заявителя компрометирующих материалов (политических или уголовных) органы милиции вызывали заявителей и выдавали пропуска. В случае же обнаружения таких материалов органы милиции сообщали об этом в кадровую службу Дальстроя, которая должна была отправить заявителю телеграмму следующего содержания: «Надобность посылке вашей специальности Мага-

дан отпадает (подпись начальника кадров Дальстроя)» [2. Д. 34. Л. 38].

Специалисту, прошедшему такую проверку, выплачивались аванс, средства на проезд до Магадана и т.д. После прибытия на Колыму кадровая служба Дальстроя направляла приехавшего на работу в то или иное производственное подразделение. Именно таким способом попал на работу в Дальстрой выпускник Ленинградского горного института 1937 г. Н.А. Шилов, заключивший договор в Ленинградском агентстве треста [3. С. 170]. И, наконец, третий способ рекрутирования вольнонаемного состава Дальстроя был детерминирован наличием в регионе значительных количеств заключенных. Освобождаясь из лагерей, они, как правило, принудительно оставались для дальнейшей работы в качестве вольнонаемных. Один из руководителей ГУСДС инструктировал подчиненных 9 июня 1941 г.: «Вывоз бывших заключенных будет, но не как правило, а как исключение, а абсолютное большинство их должно быть освоено в порядке вольного найма на всяких работах в Дальстрое... Если бывший заключенный отработал 2–3 года, то ему надо разрешить выезд; остальным вы отвечаете, что вы освобождены недавно, поработайте в порядке вольного найма» [1]. Это подтверждалось сложившейся к тому времени практикой. Так, в конце 1936 г. из всех вольнонаемных работников бывшие лагерники составляли 43,3% (4072 чел.). Следовательно, уже в середине 1930-х гг. освобождавшиеся заключенные представляли собой группу, сопоставимую по численности с прибывшими на Колыму добровольно или для продолжения службы [2. Д. 476. Л. 246]. Дополнительно в 1949 г. вольнонаемное население Колымы пополнилось так называемым «спецконтингентом», вывозившимся со строек советского атомного проекта (спецстройки МВД № 313, 247, 535, 514, ИТЛ – 100, Челябинск – 40). Постановление Совета министров СССР от 14 июля 1949 г. предписало эту группу до 15 августа вывезти в Дальстрой «для работы в качестве вольнонаемных, заключив с ними договоры (трудовые соглашения) сроком на 2–3 года». Однако их правовой статус существенно отличался от положения дальстроевских договорников. «Спецконтингент» поселялся «компактно и в обособленном месте, исключив возможность общения с другими контингентами, работающими на предприятиях Дальстроя, возможность перехода их на какие бы то ни было другие объекты и всякую возможность побега с места нахождения» [4. С. 227].

Численность вольнонаемных работников Дальстроя не была постоянной. Практически всегда она уступала численности заключенных. Лишь в последний период войны с Германией и некоторое время сразу после нее удельный вес вольнонаемных дальстроевцев превысил

удельный вес заключенных. Причиной тому стало уменьшение количества лагерников в силу повышенной смертности, освобождения из заключения и отправки на фронт. Такая же ситуация повторилась и в 1953 г., когда началось массовое освобождение заключенных. В 1932 г. из 13,1 тыс. работников Дальстроя 3,1 тыс. были вольнонаемными, в 1937 г. из 92,3 тыс. – 12,0 тыс., в 1940 г. из 216,4 тыс. – 39,4 тыс., в 1945 г. из 189,1 тыс. – 101,6 тыс., в 1950 г. из 258,1 тыс. – 115,3 тыс., в 1953 г. из 214,1 – 120,0 тыс. [2. Д. 4. Л. 52].

Привлечение вольнонаемной рабочей силы, прежде всего договорников, для работы на предприятиях Дальстроя преследовало цель обеспечения производства квалифицированными специалистами. Поэтому уже изначально эта категория работников была обеспечена целым рядом льгот. Полученное 10 февраля 1932 г. руководством Дальстроя постановление Президиума ЦИК СССР «О льготах для работников треста «Дальстрой» предписывало, что на работников Дальстроя распространялись все льготы, предусматривавшиеся постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 2 августа 1930 г. «О льготах для работающих в отдаленных местностях». Однако дополнительно ЦИК СССР постановил, что работники Дальстроя должны были получать ежегодную надбавку к зарплате в размере 20%, обеспечиваться по нормам госфонда предметами потребления по месту работы или жительства. Это же относилось и к членам их семей. Члены ВКП(б) и ВЛКСМ, работавшие в Дальстрое, получали зарплату по занимаемой должности без ограничения партмаксимумом. И, наконец, при полной потере трудоспособности или смерти работника при исполнении служебных обязанностей семье работника в течение пяти лет выплачивалась пенсия в размере: 1/2 заработка при окладе работника до 500 руб. в месяц; 1/3 заработка при окладе работника до 1000 руб. в месяц; 1/4 заработка при окладе работника свыше 1000 руб. в месяц [2. Д. 1. Л. 3].

В апреле 1934 г. вопрос о льготах для работников Дальстроя был рассмотрен более детально. Все нанимаемые вольнонаемные работники делились на три группы. К первой группе относился высший административный и хозяйственный персонал, к третьей – весь младший обслуживающий персонал, шоферы, экскаваторщики, трактористы, машинисты и квалифицированные рабочие, ко второй группе относились все остальные. Работникам всех групп с 1 октября 1930 г. выплачивалась 10-процентная надбавка по истечении каждого года работы. С 1 января 1932 г. северная надбавка работникам первой и второй групп была увеличена до 20%, у третьей так и оставалась 10-процентная надбавка (общий размер надбавок не мог превышать 100%). Для работников первой группы был установлен отпуск в 2 месяца, для работников второй и третьей групп в зависимости от нормированного или ненормированного рабочего дня 1–2 месяца. Дети работников Дальстроя при поступлении в учебные заведения приравнивались к детям «индустриальных рабочих» [2. Д. 8. Л. 85–90]. До начала войны правительство еще несколько раз возвращалось к вопросу о льготах для дальстроевцев.

В послевоенный период потребности государства в добываемом на Колыме золоте значительно увеличились. И 22 мая 1948 г. Совет министров СССР утвердил

«Положение о льготах для рабочих, руководящих и инженерно-технических работников Дальстроя МВД СССР». Этот документ систематизировал перечень преференций, которыми могли теперь пользоваться вольнонаемные дальстроевцы. Горным и буровым рабочим, горным и буровым мастерам и ИТР, непосредственно работавшим на приисках, рудниках, шахтах и т.п., при стаже работы от 1 до 3 лет в конце каждого года выплачивалось единовременно вознаграждение в размере 10% годового оклада, при стаже от 3 до 5 лет – 15, от 5 до 10 лет – 20, от 10 до 15 лет – 25, свыше 15 лет – 30%. Остальным работникам «ведущих профессий» заводов, комбинатов, горнопромышленных и отраслевых управлений, районных геологоразведочных организаций и центральных аппаратов Дальстроя при стаже от 5 до 10 лет – 10%, от 10 до 15 лет – 15%, свыше 15 лет – 20% годового оклада. Выплаты должны были производиться с учетом стажа до издания этого «Положения...». За всеми, кто отработал в Дальстрое не менее 15 лет и уволился по старости, инвалидности или в связи с уходом на пенсию, представленная квартира закреплялась в «пожизненное пользование, независимо от ведомственной принадлежности дома». Дальстроевцам, отработавшим на основных производствах 20 лет и более и достигнувшим возраста 50 лет, пожизненно гарантировалась выплата пенсии в размере 50% оклада. Был установлен и еще целый ряд льгот [1]. Соответственно предоставляемым льготам определялась и заработная плата вольнонаемного состава Дальстроя. Так, в 1933 г. среднемесячный размер заработной платы младшего обслуживающего персонала насчитывал 194 руб., рабочих – 310 руб., служащих – от 439 до 610 руб., административно-технических работников – 802 руб. [2. Д. 402. Л. 161]. В 1936 г. служащие и ИТР на Колыме в среднем зарабатывали 689 руб., а в отдаленной Омолонской экспедиции – 938 руб. [2. Д. 476. Л. 141об.]

Несколько иначе складывалась зарплата по должностям, относившимся к ведению НКВД и лагерного сектора. Это видно на примере приказа директора Дальстроя от 14 декабря 1935 г. Документ устанавливал деление должностей на категории, принадлежность к которым и определяла размер денежного вознаграждения. Так, например, должность начальника отделения Рабоче-крестьянской милиции по Дальстрою была отнесена к 10-й категории. Соответственно, основной оклад по этой должности исчислялся в сумме 445 рублей. После добавления к этой сумме различных специфически ведомственных надбавок и выплаты так называемых «бытовых» фактическая заработная плата составляла в этом случае 1186 руб. 69 коп. [2. Д. 20. Л. 84]. Оклады работников Севвостлага также были значительными. Начальнику и заместителю начальника УСВИТЛа оклад устанавливался в пределах 1400–1750 руб., помощнику начальника – от 1200 до 1500 руб. Начальники отдельных лагерных пунктов в зависимости от их категории имели оклады от 800 до 1200 руб. и т.д. Соответственно, к этим окладам также выплачивались различные надбавки [2. Д. 20. Л. 79, 80].

Представление о зарплатах в Дальстрое послевоенного периода позволяет составить «Справочник дифференцированных должностных окладов инженерно-

технических работников, служащих и младшего обслуживающего персонала по отраслям хозяйства Дальстроя НКВД СССР» (1945 г.). 33 его раздела определяли размеры окладов работников по основным направлениям деятельности. Так, оклады начальника и главного инженера горнопромышленного управления составляли от 3700 до 4200 руб., начальника и главного инженера горнорудного комбината – от 3000 до 3800 руб., начальника и главного инженера прииска особой категории – до 3600, прииска 1-й категории – до 3300, прииска 2-й категории – до 3000, прииска 3-й категории – до 2700 руб. Инженеры всех специальностей на приисках и горнорудных комбинатах имели оклад от 1600 до 1900 руб. вне зависимости от категории прииска. В обслуживающих секторах (здравоохранении, образовании и т.п.) оклады были значительно ниже [5]. Высокими были и зарплаты партийно-политических работников. В 1946 г. оклад начальника политотдела горнопромышленного или отраслевого управления составлял 3000–4000 руб., редакторов политотдельских газет – 2100–2600 руб. и т.д. [1]. Такой принцип оплаты применялся в 1948 г. в 381 предприятии, учреждении и организации, входивших в систему Дальстроя и имевших самостоятельный баланс. В их числе было 127 горных, 89 строительных и 165 прочих. В учреждениях и организациях, действовавших на Колыме и Чукотке, но не подчинявшихся Дальстрою, оклады были существенно ниже. На них «дальстроевские» льготы не распространялись. В январе 1949 г. в районе деятельности Дальстроя находилось 390 предприятий, колхозов и учреждений, которые не входили в структуру ГУ СДС. Трудилось в них 6612 чел. [1].

Однако, несмотря на значительную «длину» дальстроевского рубля, планы вербовки специалистов для работы на Колыме и Чукотке постоянно не выполнялись, а уровень текучести кадров практически всегда был крайне высоким. В 1936 г. в Дальстрой приехали 2451 договорник. Одновременно его предприятия покинули 1643 вольнонаемных работника [2. Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 20, 476. Л. 126, 127]. Так, на 1937–1938 гг. количество вольнонаемных работников Дальстроя должно было составлять 35 тыс. чел. [6. Л. 341]. Однако в 1938 г. на Колыме работали лишь 19,5 тыс. вольнонаемных специалистов. В 1939–1942 гг. план вербовки работников также хронически не выполнялся. В 1939 г. он был выполнен на 85%, в 1940 г. – на 92, в 1941 г. – на 44,2, а в 1942 г. – на 22,1% [2. Ф. Р-23 сч. Оп. 1. Д. 161. Л. 63]. Показатели 1942 г. и отчасти 1941 г. отражают специфику военного времени, но в целом эти данные весьма показательны. В 1945 г. в Дальстрой прибыли 664 специалиста с высшим и средне-специальным образованием, уволились 1042 чел., в 1946 г. – 1381 и 1106 чел. соответственно, в 1947 г. – 1694 и 1718, в 1948 г. – 923 и 470, за 9 месяцев 1949 г. – 422 и 245 чел. Всего же с 1945 г. по 1 сентября 1949 г. вольнонаемный состав пополнился 5114 специалистами и потерял 4581 человека. Из уволившихся за это время 484 человека работали в горной промышленности, 362 – на геологоразведочных, топографических работах и в химической службе, 576 – в автотранспорте и электромеханической службе, 384 – в промышлен-

ном, дорожном и гражданском строительстве. В итоге на 1 октября 1949 г. обеспеченность различных отраслей хозяйства Дальстроя профессиональными кадрами выглядела следующим образом: горные работы – 36,5%, геологоразведка – 40,3, энергохозяйство – 69, механическая служба – 60,7, транспорт – 58,7, капитальное строительство – 69,3, снабжение, торговля – 30,7, медико-санитарная служба – 66,6% [1].

Приведенные данные наглядно свидетельствуют о том, что в подавляющем большинстве вольнонаемные работники (договорники, военнослужащие, бывшие заключенные) не связывали свои жизненные перспективы с Колымой. Думается, важнейшей причиной такого положения дел, несмотря на значительные преференции в оплате труда и т.п., были условия жизни и производственной деятельности в регионе 1930–1950-х гг. С реалиями дальстроевской повседневности вольнонаемные работники начинали сталкиваться уже в пути на Колыму. Н.А. Шило в 1937 г. увидел такую картину на корабле «Джурма» во Владивостоке: «Нам было известно, что корабль... транспортировал заключенных из Владивостока в Магадан. На этот раз все трюмы занимали пассажиры – вольнонаемные, в основном молодежь, ехавшая на работу в Дальстрой, заключив с ним договоры на три года. В твиндеке были деревянные нары, возвышавшиеся над “полом” на 20–30 см, на два человека каждые. На них лежали какие-то грязные, набитые соломой матрасы и солдатские, а скорее всего, тюремные одеяла неизвестной свежести...» [3. С. 173].

После войны ситуация не улучшилась. В многочисленных жалобах на имя руководителей СССР, ВКП(б) и МВД описывались типичные ситуации в транзитных городках Дальстроя. С.А. Бугров: «Как только доехали мы до бухты Находка, то оказались в неблагоприятных условиях в смысле питания и жилья; барачная грязная атмосфера и скудность питания людей...» [2. Д. 227. Л. 8]; В.Ф. Деревянко: «В транзитном городке Находки жить было нельзя – невозможная грязь, страшное количество мух и клопов, свирепствовали корь и диспепсия, а потому решили снять частную квартиру. Вскоре заболел ребенок корью, а потом воспалением легких. Из больницы был выписан после выздоровления, но сильно ослабленным»; И. Саленко: «Тысячи людей – мужчин и женщин – размещались в неудобных бараках на сплошных нарах. Стирать белье негде, столовая отсутствовала, а порой пассажиры по целым дням оставались без воды. Для огромного количества людей был открыт один ларек для отоваривания карточек на хлеб и другие продукты. В огромной очереди почти каждый день проходили скандалы, доходящие до драки. Все обслуживание пассажиров было отдано на откуп начальнику отдела транзитных кадров, последний появлялся в “транзитку” ежедневно в нетрезвом состоянии и на претензии и жалобы пассажиров отвечал бранью» [1].

Далее до Дальстроя – морем, в Магадан. С.А. Бугров: «Начальник отдела транзитных перевозок... уверил, что на пароходе мы будем обеспечены полностью хлебом и питанием, а на самом деле 11 суток нас кормили в столовой без хлеба и продавали на плесневелые сухари, которым мы были очень рады...» [2. Д. 227. Л. 8]. И вот, наконец, бухта Нагаева. И. Саленко: «Бюрократизм, волокита в отделе кадров ДС. Неделями

люди обивают пороги, пока получают назначение на работу. Бытовое обслуживание организовано плохо. Огромные невзгоды претерпевают люди, пока преодолеют путь к месту назначения»; В.Ф. Деревянко: «В начале четыре дня просидел на пароходе за неимением мест в транзитном городке... В Магадане поселили в шестой транзитный городок, третий барак, где на трех человек мы получили две доски нар. Ночевать было нельзя – одолевали клопы». Спустя некоторое время В.Ф. Деревянко, с трудом устроившись на работу в автобазе пос. Палатка, потерял ребенка, не вынесшего тягот переезда и умершего в больнице [1].

При строительстве производственных объектов Дальстроя сначала возводились промышленные здания вместе с лагерными бараками и лишь затем жилье и коммунально-бытовые строения для вольнонаемных. Это приводило к чрезвычайно напряженной ситуации в обеспечении жильем. В 1933 г. один из инженеров обращался к руководству: «...двое детей умирают от холода, нет теплой одежды и нет, откуда ждать помощи» [1]. На собрании парторганизации Нагаево и Магадана в январе 1939 г. сотрудники Дальстроя констатировали: «...мы будем жить в палатках, и живем в них сейчас, но ведь можно же эти палатки привести в надлежащий вид. У нас в палатке живут семейные, живут комсомольцы, коммунисты...»; «когда мы ехали сюда, нам сказали, что вы едете в суровый край, будете жить в палатках, а когда приехали, то и палаток нет... гостиница в Берелехе – там под столом спят, на койках – по 2–3 чел. лежит, а под койкой еще лежат и там живут по месяцам договорники» [1]. В 1941 г. актом проверки одного из ОЛПов Юго-Западного лагеря ГУ СДС было установлено, что его работники – всего 8 чел. – живут в одной комнатухе, «которая не имеет крыши и в дождливые дни протекает, в стенах щели, много клопов, теснота неимоверная». В числе 8 чел. были два работника с женами, соседствовавшие с холостяками. В том, что это была ситуация, характерная для подавляющего большинства подразделений Дальстроя и УСВИТЛа, не приходится сомневаться. Весной 1941 г. на руднике им. Лазо и на комбинате им. Чапаева бойцы военизированной охраны размещались по 2–3 чел. на 1 койку [1]. В конце 1947 г. было отмечено, что «на многих предприятиях Дальстроя рабочие ютятся либо в бывших лагерных бараках, либо в барах таежного типа, построенных из жердей, в землянках, в палатках. Большинство барачников имеет двухярусную систему» [1]. М. Ночнова вспоминала о жизни в пос. Ягодное в 1952 г.: «Мы занимали комнату в бывшем лагерном бараке (в автогородке), шесть квадратных метров. В комнате: железная печка, бочка с водой, ящик с углем и дровами, по углам – снег. Натопить при таком морозе и ветхости жилища было невозможно» [7. С. 385–386].

В суровых условиях Крайнего Севера значимым фактором обеспечения работников становилось продовольственное снабжение. Однако и здесь мы встречаемся с многочисленными ситуациями острой нехватки продуктов. 5 октября 1939 г. начальник Политуправления Дальстроя С.К. Моренков писал на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова: «В тайгу доставляется ежедневно не больше 500 т грузов при минимальной потребности 700 т. Запасов в тайге совсем нет». Эти про-

блемы усугублялись и огромными масштабами хищения продовольствия. «Пароход дошел до Нагаево, – говорил начальник Дальстроя И.Ф. Никишов в ноябре 1939 г., – и пропало 1200 мешков муки и 40 бочек капусты» [1]. Обеспечение продовольствием и промтоварами производилось соответственно положению человека в административной лестнице. В феврале 1937 г. один из делегатов III партконференции гостреста «Дальстрой» говорил: «У нас в Магадане существует список двадцати “королей Магадана”, которые снабжаются по особому списку снабжения. Сюда входят начальники управлений, им из Дукчинского совхоза присылаются сливки, свежие яйца, сливочное масло и т.д.». В 1939 г. при магазине № 1 в Магадане существовало Бюро заказов для обслуживания 117 чел. согласно персональному списку [1].

После войны особенно тяжелое положение сложилось на Индигирке. В 1949 г. начальник Санотдела Индигирлага П.А. Пухаленко писал в ЦК партии: «Хлеб выпекается односортный с примесью компонентов... овощей нет, даже сушеных. Дети не знают вкуса яблока или груши... свежего мяса нет, на снабжении – обезвоженные консервы... рыбы нет кроме сельдей, и те не всегда бывают... крупа одновременно однообразная: то рис, то пшено, то перловка, то овсяная и в ограниченной количестве... детям зимой выдается 100–200 гр. молока, летом – 500 – 600 гр. ...нет посуды. Люди готовят и кушают в консервных банках... махорки и папирос недостаточно, порождается спекуляция... единственное, чего хватает – спирту... Получаемой зарплаты у большинства еле-еле хватает прокормиться...» [1]. Продолжались и хищения продуктов. За 1946 г. в Дальстрое было расхищено 30965 кг хлеба и хлебобулочных изделий, а за первое полугодие 1947 г. – 33426 кг, по овощам картина соответственно – 10162 кг и 7401 кг, по муке и продовольственному зерну – 23037 кг и 21900 кг; по мясу – 4033 кг и 3521 кг. Только в Индигирском управлении было расхищено 80 т продовольствия [1].

Вполне понятным становилось желание подавляющего большинства вольнонаемных работников уехать в центральные районы страны. Однако в послевоенный период сделать это было непросто. По имеющимся данным увольнение специалистов из системы Дальстроя было возможно только с разрешения НКВД – МВД СССР, а вплоть до начала 1947 г. на работников Дальстроя распространялось действие Указа ПВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» [8]. Постепенное снятие ограничений на выезд привело к массовым заявлениям об увольнении, удовлетворение которых привело бы к срыву выполнения производственных заданий. Поэтому руководство Дальстроя прибегло к административному задержанию работников на Колыме и Чукотке. В сентябре 1947 г., например, в горные управления была отправлена директива, которой предписывалось организовать списки на увольнение из Дальстроя. В эти списки могли попасть только «передовые рабочие», и то после выполнения строго обозначенных по времени и объему аккордных работ. Таким образом, законная возможность увольнения и выезда

становилась своеобразной «премией» за ударную работу [1]. Подобная практика привела к появлению сверхинтересного явления – побегам вольнонаемных из Дальстроя. В 1947–1948 гг. многие сумели убежать в Якутию и писали своим товарищам: «...давайте, сматывайтесь, здесь работы много и жить хорошо». Поэтому с июля 1947 г. для прекращения самовольных выездов работников через территорию Якутской АССР была организована проверка автомашин и документов у пассажиров, следовавших в ЯАССР [2. Д. 152. Л. 128].

Драматичным оказалось положение солдат и офицеров военизированной стрелковой охраны, на которых в годы войны было распространено действие армейского Дисциплинарного устава. В 1948 г. 5716 чел. (61,3%) личного состава служили в Дальстрое от 7 до 13 лет. После 2–3 лет службы в армии, завербовавшись в конце 1930-х гг. в охрану УСВИТЛ, они не покидали Колыму из-за острой нехватки кадров и действия ограничений на выезд в годы войны. Условия службы и неудовлетворительные жилищно-бытовые условия сказывались на здоровье военнослужащих. За семь месяцев 1947 г. в охране был отмечен 8981 случай различных заболеваний. За 8 месяцев 1948 г. было зарегистрировано 15254 заболевания личного состава, из которых 4514 требовали длительного лечения и изменения климатических условий. Тяжелым было и моральное состояние солдат и офицеров. Документ свидетельствует: «Часть личного состава военизированной охраны имеют семьи в центральных районах страны, с которыми они не виделись по 8–12 лет и более и некоторые из них за время Отечественной войны потеряли даже письменную связь со своими семьями или получили письма о тяжелом положении, о гибели ближайших родственников с настоятельными требованиями вернуться домой и даже с проклятиями по адресу мужей, отцов и сыновей, бросивших свои семьи, детей и престарелых родителей» [1]. Безвыходность положения солдат, сержантов и офицеров ВСО привела к распространению

самоубийств. За десять месяцев 1949 г., например, по причинам «неудовлетворенности службой в охране, потери перспективы возвращения к родным и семейных неурядиц» покончили с собой 11 военнослужащих, а 12 предприняли попытки к самоубийству. 1 октября в одном из подразделений ВСО Индигирского управления было предотвращено самоубийство ефрейтора А.К. Ермоленко, служившего в Дальстрое с 1940 г. В беседе с политработником он заявил: «Мне так все надоело, я не видел жизни, и годы мои проходят. Два года мне обещают увольнение, но я убежден, что не уволят, и для меня остался единственный выход – застрелиться» [1].

Таким образом, процессы интенсивной колонизации Северо-Востока в 1930–1950-х гг. не привели к формированию здесь оседлых и постоянных трудовых ресурсов. Во многом это объяснялось складывавшейся здесь социальной инфраструктурой, что в послевоенное время было еще усилено практически принудительным характером труда вольнонаемных работников на предприятиях Дальстроя. В этой части мы хотели бы согласиться с утверждением пермского исследователя А.Б. Сулова, который пишет, что «по большому счету, вольного труда в СССР не существовало, имелись лишь разные градации труда принудительного» [9. С. 255]. Эти обстоятельства во многом предопределили кризис государственной демографической политики в регионе в ее «дальстроевском» варианте в первой половине 1950-х гг. Более того, «экономия на работах» продолжала существовать и все последующее время. Преодолеть психологию «временной жизни на Севере» сегодня возможно только в условиях кардинального поворота в участии государства к обеспечению условий проживания здесь, что вновь ставит вопрос о создании стабильной и комфортной социальной среды. Отрицательный, по нашему мнению, опыт Дальстроя в этом отношении является более чем показательным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Центр* хранения современной документации Магаданской области (ЦХСД МО). Коллекция документов (По режимным соображениям данные об архивных фондах, описей, номера дел и т.д. здесь не указываются.)
2. *Государственный архив* Магаданской области (ГАМО). Ф. Р-23 сс. Оп. 1.
3. *Шило Н.А.* Записки геолога. М.: Магадан, 2007. Т. 1.
4. *Губарев В.* Белый архипелаг Сталина. М., 2004.
5. *Справочник* дифференцированных должностных окладов инженерно-технических работников, служащих и младшего обслуживающего персонала по отраслям хозяйства Дальстроя НКВД СССР. Магадан, 1945.
6. *Государственный архив* Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9401. Оп. 1а. Д. 9.
7. *Ночнова М.* Водолажские // *Доднесь тяготееет*. М., 2004. Т. 2.
8. *Ведомости* Верховного Совета СССР. 1942. № 2.
9. *Сулов А.Б.* Принудительный труд на Урале (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): эффективность и производительность // *ГУЛАГ: Экономика принудительного труда*. М., 2005.

Статья представлена научной редакцией «История» 6 февраля 2009 г.